

Дубровская Елена Юрьевна

кандидат исторических наук

Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ:
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КАРЕЛИИ – ВРЕМЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ
(1918–1920)***

Армейская психология, сформировавшаяся у десятков тысяч россиян в 1914–1918 гг., накладывала характерный отпечаток на жизнь общества в целом в течение долгих лет после выхода России из Первой мировой войны¹. Как отмечают исследователи различных аспектов мужской гендерной роли в конкретных социокультурных условиях, выявление специфики поведения мужчины в экстремальных ситуациях, среди которых война и вооруженные конфликты занимают особое место, остается актуальным направлением в изучении феномена «мужского» в культуре². Люди не просто привыкали к произволу и насилию, им давали понять, что единственным способом «смягчения» крайностей того и другого является казарменный вариант жизнедеятельности общества в целом³.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР, тема «Узловые проблемы истории Карелии. К столетию республики. Научные очерки и статьи», № 0225–2014–0012.

¹ *Асташов А.Б.* Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. М., 2002; *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010; *Волков Е.В.* «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008; *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 215–259.

² *Кормина Ж.В.* Проводы в армию в пореформенной России: опыт этнографического анализа. М., 2005; *Моисеева И.Ю.* Фронтной дневник: трансформация гендерных аттитюдов в экстремальной ситуации // Мужской сборник. СПб., 2007. Вып. 3; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; *Соколова И.В.* Экстремальные ситуации на войне и после войны (память и текст) // Мужской сборник. Вып. 3.

³ *Гришанин П.И.* Гражданская война и Белое движение в исследовательской практике конца 80 – начала 90-х гг. XX в.: историографическое осмысление // Вестник РГГУ. Сер.: Исторические науки.

Учитывая сложность и дискуссионность вопросов о структуре и содержании понятия «повседневность», предполагающего аналитический подход к истории меняющегося человека в его обыденных заботах⁴, целесообразно обратиться к исследованию стратегий выживания человека в условиях военного времени, к повседневным социальным и культурным практикам военных и гражданского населения в чрезвычайных обстоятельствах. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на общественную жизнь и политическую историю карельского края в период Гражданской войны и военной интервенции, часто рассматривавшийся лишь как время борьбы политических партий за власть. В семейной памяти, носителями которой выступают как мужчины, так и женщины, отразилась и специфика мировосприятия военных, обусловленная бытом, системой ценностей и другими особенностями их корпоративного сознания.

В переломные для истории Российского государства годы революции и Гражданской войны населенная карелами территория уездов Олонецкой губ. и западных волостей Кемского уезда Архангельской губ. (Беломорская Карелия) оказалась вовлечена в орбиту международной политики, прежде всего в сферу интересов России и Финляндии, а также Англии и Франции – недавних союзников по антигерманской коалиции. В июле 1918 г. территория Российской Карелии стала театром военного противостояния на Европейском Севере. Страны Антанты усилили свое военное присутствие в карельском Поморье, опасаясь проникновения туда войск Германии и ее союзника Финляндии. Высадка английских войск на Севере России началась весной 1918 г. Поначалу англичане объясняли свое присутствие необходимостью защищать регион от возможного продвижения немцев и охранять военные грузы, однако скоро стали очевидными их истинные цели – укрепление своего геополитического влияния на Русском Севере и борьба с большевизмом. Захватив населенные пункты вдоль Мурманской железной дороги, войска Антанты и военные формирования союзного им белогвардейского правительства в Архангельске остановились на границе Кемского уезда Архангельской губ. и Повенецкого уезда Олонецкой губ.⁵ В то же время в Ухтинской волости оставались

Историография, источниковедение, методы исторических исследований. 2009. № 4; Шумилов М.И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском севере России. (Историографический очерк). Петрозаводск, 1992; Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов н/Д, 2012; Розенберг У. Революция и контрреволюция: синдром насилия в гражданских войнах России (1918–1920 годы) // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. М., 2014.

⁴ Пушкарева Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник 2007. М., 2008. С. 35.

⁵ Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993; Гусев К.В. К истории Карельского мятежа. (По материалам Комиссии по реабилитации при Президенте

так называемые «белые финны», которые готовили новое вторжение в Российскую Карелию. Развернувшаяся весной и летом 1918 г. интервенция сил Антанты на север России под предлогом защиты от финнов, и особенно от немцев, все более накаляла обстановку в северно-карельских волостях.

1919 год стал особенно напряженным в военном отношении. В это время почти вся территория, населенная карелами, находилась под властью интервентов и антибольшевистских сил. В январе 1919 г. велись военные действия Красной армии как против войск созданного в Архангельске белого Временного правительства Северной области (ВПСО), так и против союзных ему военных формирований интервентов, прежде всего англичан, высадившихся в Архангельске и Онеге⁶. Осенью 1919 г., осознав бессмысленность дальнейших военных действий на Севере России, союзники вывели свои войска из региона, а 18 февраля 1920 г. ВПСО сложило свои полномочия перед Временным советом профсоюзов в Архангельске, что привело к падению фронта российских белогвардейских сил, оставшихся без поддержки союзников. Приняв советскую власть, карельское население Кемского уезда Архангельской губ. полагало, что тем самым смогло защитить свое национальное достоинство и отстоять себя как этнос. Однако и после официального окончания Гражданской войны в Беломорскую Карелию вскоре вернулся террор и произошло крестьянское восстание 1921–1922 гг. Возник конфликт с новой властью, разрешить который мирными средствами оказалось невозможно.

Историки проследили, как постепенно складывалась система органов советской власти, отразившая разнородные социальные и национальные интересы, как сказывался на общественной жизни края режим «военного коммунизма» с обременительной для населения Карелии продрозверсткой, трудовой повинностью и влиянием наследия «военного коммунизма» на психологическое состояние людей⁷.

РФ) // Отечественная история. 1996. № 6; *Новикова Л.Г.* Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и гражданская война на Русском Севере. 1917–1920. М., 2011; *Шумилов М.И.* Революция и гражданская война в Карелии: 1917–1920 // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.

⁶ *Барон Н.* Столкновение империй: Российско-британские взаимоотношения во время интервенции союзников на севере России // Труды Карельского научного центра РАН. Сер. Гуманитарные исследования. Вып. 2. 2011. № 6.

⁷ *Витухновская-Кауппала М.А.*: 1) Гражданская война в Карелии в советской, российской и финской историографии // Финляндия и Россия: образы общего прошлого. Петрозаводск, 2014; 2) Карельский крестьянин в горниле гражданской войны 1917–1922 // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. Петрозаводск, 2013; *Дубровская Е.Ю.* Общественная жизнь карельского населения Олонецкой и Архангельской губерний в годы Российской революции и Гражданской войны (1917–1920) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад великой державы. М., 2005; *Килин Ю.М.* Карелия в политике советского государства 1920–1941. Петрозаводск, 1999; *Осипов А.Ю.* Финляндия и «независимая» Карелия в период гражданской войны // «Свое» и «чужое» в культуре

Изменения, которые произошли в годы Гражданской войны в традиционном укладе жизни карельской деревни, уездных городов и губернского центра – Петрозаводска, исследованы на основе опубликованных и неопубликованных, прежде всего архивных, источников. К первым относятся выходявшие в 1932, 1957 и 1963 гг. сборники воспоминаний участников революции и Гражданской войны 1918–1920 гг. в Карелии⁸. Особый интерес представляют хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра РАН многочисленные подготовительные материалы к этим публикациям. Значительная часть воспоминаний о революции и Гражданской войне, собранных в 1930-е, послевоенные и в 1950-е годы, так и не увидела свет из-за того, что содержание этих рассказов слишком расходилось с привычной схемой изложения этапов «триумфального шествия» советской власти по стране.

В 1932–1933 гг. ленинградская исследовательница А.М. Астахова, занимавшаяся в первую очередь городским фольклором, песнями городской улицы, выезжала в экспедиции в Карельское Поморье, где записывала «Рассказы о гражданской войне» одновременно с историческими песнями, любовной лирикой и произведениями других жанров. Порядка тридцати историй, рассказанных в Беломорском (Сорокском) и Медвежьегорском районах жителями Повенца и Медвежьегорска, сел Нюхча, Лапино, Шижня, деревень Койкиницы и Пертозеро, зафиксированы ею в 1932 г. Они образуют раздел «Фольклор гражданской войны» среди архивных материалов экспедиционных записей⁹. Выявленные Астаховой источники, ранее не вводившиеся в научный оборот исторических изысканий, позволяют проследить на локальном материале основные толерантные и конфликтные мифы, идеи и лексемы, которые уже в 1920–1930-е гг. использовались для создания этнических и этнополитических образов, а также образов экстремальных ситуаций в условиях повседневности.

За три года Гражданской войны экономическое положение Карелии резко ухудшилось, продовольственные грузы, направлявшиеся из центра по ходатайствам Олонецкого губисполкома, нередко перехватывались другими исполнительными и чрезвычайными органами на соседних железнодорожных станциях Мурманской магистрали, как это бывало в Званке. Сельское хозяйство Олонецкой губернии было не в состоянии обеспечить жителей города и размещенные в нем войска сельскохозяйственными продуктами. Петрозаводск все острее ощущал недостаток

народов Европейского севера. Петрозаводск, 2005; *Филимончик С.Н.* Горожане и власть в Карелии в годы гражданской войны // Гражданская война в России: региональные проблемы: матер. науч. конф. Мурманск, 2004; *Шурилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973.

⁸ В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания. Л., 1932; В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957; За Советскую Карелию. 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963.

⁹ Научный архив КарНЦ РАН (далее – НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 86–118. Л. 227–347.

продовольствия, нормы выдачи продуктов населению с каждым месяцем уменьшались, цены на продовольствие росли. Тяжелое положение с продовольствием и топливом, безработица, эпидемии и разгул преступности привели к отъезду большого количества людей из города. С перебоями функционировали немногочисленные городские предприятия.

Если с декабря 1917 г. в Петрозаводске рабочим выдавали по 400 г муки в день, а остальным примерно 270 г, то к весне 1918 г. нормы отпуска хлеба населению снизились. Уже с 1 марта в Петрозаводске и в Олонецкой губернии были установлены нормы выдачи муки: четверть фунта (250 г) в день для лиц физического труда и 200 г для не занятых физическим трудом, как взрослого населения, так и детей¹⁰. В Олонце весной 1918 г. горожанам выдавалось до 300 г муки или ржи на едока в день в зависимости от социального положения и характера выполняемого труда. В 1919 г. хлебный паек сократился до 50 граммов. Но даже такой скудный паек выдавался нерегулярно. Многие семьи голодали. Распределение продуктов теперь шло через огосударствленные кооперативы, поскольку в октябре 1918 г. все частные лавки были закрыты. Для регулярного отоваривания карточек имевшегося запаса продовольствия явно не хватало. Ежедневно в Олонце здание уездной продовольственной комиссии осаждали толпы голодающих, требуя хлеба¹¹.

В Петрозаводске делегации рабочих приходили в губсовет с требованием увеличить хлебные пайки. На рабочих собраниях остро критиковалась деятельность продорганов, высказывалось и недоверие Совету. Настаивая на выдаче продуктов, группа горожан грозила заведующему продовольственным отделом применением физической силы. И лишь благодаря вмешательству милиции, по воспоминаниям одного из участников создания первых милицейских отрядов в Петрозаводске И.М. Никитина, удалось избежать «особо тяжких последствий»¹². В деревни Олонецкого уезда подвоз хлеба из Олонца прекратился совсем. По свидетельству председателя Туломозерской волостной управы Н.И. Власова, «...нужно было находить его на месте. Беднота буквально голодала, в муку примешивали размолотые в мельничных ступах солому и березовую кору; из белого мха, смешанного с репой и картошкой, изготовляли лепешки»¹³.

Воспоминания С.С. Ракчеева, бойца 18-й роты красногвардейцев-лыжников, раскрывают новые страницы в истории земель Олонецкого края, населенных

¹⁰ История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск, 2008. С. 155.

¹¹ *Филимончик С.Н.* Олонец в годы революции и гражданской войны (1917 – начало 1920-х гг.) // Олонец. Историко-краеведческие очерки. Петрозаводск, 1999. Ч. 2. С. 16.

¹² Научный архив Национального музея Республики Карелия. Д. 1200. Никитин И.М. Первые шаги карельской милиции. С. 197.

¹³ В борьбе за власть Советов. С. 149.

вепсами¹⁴. Написанные в 1934 г. и хранящиеся среди материалов карельского Истпарта¹⁵, они легли в основу более поздних воспоминаний автора, подготовленных во второй половине 1950-х гг. Повествуя о событиях революции и Гражданской войны, он, в частности, с возмущением пишет о том, насколько «чудовищной» выглядела просьба крестьян вепсского села Горнее Шелтозеро «на фоне крестьянского голода». Оказывается, в январе 1918 г. «под влиянием местных богатеев и священника» те собрали сход и решили просить у волостных властей «много белой муки, пшена, сахару и других продуктов», чтобы отпраздновать храмовый праздник села¹⁶. Основываясь на данных И.Ю. Винокуровой, исследовавшей локальную праздничную традицию вепсов Прионежья, можно определить, что крестьяне готовились к большому храмовому празднику Сретенья (2 февраля по ст. ст.)¹⁷. В сложившихся обстоятельствах не только повседневность, но и праздники становились временем экстремальной ситуации.

В записанных А.М. Астаховой в 1930-е гг. текстах рассказов членов семьи И.В. Титова из Нюхчи присутствуют фольклорные мотивы «чудесного спасения» и «неокончательной смерти» участников кровопролитных событий. Так, по свидетельству одной из участниц событий, односельчанка сумела спасти ее брата от ареста следующим образом: «В окошко-то увидали и бегом из квартиры через сенник, но по дороге встретился бы неминуемо с Рублевским (белым офицером. – Е.Д.), если бы "жонка" хозяйина не закрыла его юбкой: она, распустив юбку, встала между ним и Рублевским, и брату удалось бежать». Другому жителю деревни, уцелевшему во время расстрела, удастся выбраться из-под горы трупов и скрыться¹⁸.

В записях Астаховой можно выделить и традиционные для фольклора мотивы «нетипичного поведения врага». Часовой-белогвардеец предупреждает красного партизана о грозящей ему в деревне опасности. Врач, служивший у белых, спасает красноармейца от ареста, поскольку оказался его однополчанином в годы Первой мировой войны¹⁹. В воспоминаниях сорокалетнего А.П. Вавилина о пребывании в плену у белых в 1919 г. в районе ст. Кяппесельга говорится, что он избежал

¹⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 74. Ракчеев С.С. Незабываемые дни 1917–1919 гг. становления Советской власти в родном крае; Д. 75. Ракчеев С.С. Так начиналось советское строительство в вепсской деревне (1917–1919); Оп. 31. Д. 104. Ракчеев С.С. 18-я лыжная рота. Воспоминания о гражданской войне в Карелии.

¹⁵ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-14. Оп. 1. Д. 189. Ракчеев С. 18-я отдельная рота лыжников (о гражданской войне в Советской Карелии в 1919–1920 гг.).

¹⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 75. Л. 66.

¹⁷ Винокурова И.Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 1996. С. 42–43.

¹⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 86–118. Л. 332, 333.

¹⁹ Там же. Л. 304.

расстрела лишь благодаря тому, что арестованный вместе с ним товарищ-поляк был родственником начальника контрразведки: оба поляка вместе служили «в царское время», к тому же были женаты на сестрах²⁰. Приведенный пример подтверждает заключение исследовательницы И.А. Разумовой о том, что установление родства в любой форме – от свойства до бывшего братства по оружию – способствует преодолению критического положения, являясь средством «спасения» и психологической компенсации²¹.

Сегодня все чаще обнаруживается стремление историков, изучающих раннесоветский период, опираться на «живые свидетельства», которые, конечно, уже не могут «представлять» видение прошлого из 1920–1930-х гг., но все же позволяют обратиться к «человеческому измерению» времени, увидев его в «антропологическом ракурсе»²². Примечательны в этом отношении воспоминания жителя г. Олонца Ф. Петрова о военном детстве, проведенном в одной из деревень Южной Карелии, поблизости от российско-финляндской границы. Спустя многие десятилетия, в 1970-х гг., он рассказал, как семилетним мальчиком оказался очевидцем непонятных для него частых ночных отъездов из дома его отца, охотника-любителя, совместно с односельчанином-соседом, бравших с собой ружье. После того как однажды отец привез мешок ржи, ребенку все же удалось добиться объяснения таких постоянных отлучек: «Вот что, сынок, мы живем недалеко от границы, там другое государство, и вот они приезжают сюда оттуда, везут разные тряпки, особенно курево и т. д., а от наших зажиточных крестьян берут хлеб, т. е. рожь, которой у нас не хватает. Вот дядя Петя и устраивает захваты этих контрабандистов, а как оружия у нас нет, вот он меня и берет с собой с этим 12-ти калиберным, ...вот мы их и пугаем, этих незваных заграничных гостей...»²³

Воспоминания, которые условно можно сопоставить с материалами по «устной истории», свидетельствуют, что в обстановке катастрофической нехватки продовольствия в уездах Олонецкой губ., когда еще с 1917 г. здесь действовал запрет губернских властей вывозить продукты в соседнюю Финляндию, такие самочинные крестьянские меры по «восстановлению справедливости» все же оказывались поступками сомнительного свойства, и крестьяне это осознавали. Не

²⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 86–118. Л. 301–302.

²¹ Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 320–324.

²² Трошина Т.И. «Взгляд из другого окопа»: трагедия белого офицерства глазами рядовых (по материалам Архангельского Истпарта) // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения. Сб. матер. междунар. науч. конф. Архангельск, 2010. С. 264–265.

²³ НА КарНЦ РАН. Фольклорная коллекция. Воспоминания о гражданской войне 1918–1919 гг., записанные олончанином Петровым в 1960-х гг.

случайно упоминание мемуариста о том, что «отец долго не хотел говорить» о характере своих поездок и уступил лишь тогда, когда сын «настойчиво не давал ему покоя». Однако в дальнейшем подобные акты, явно противоречившие представлениям мирного времени о законности, получали совершенно иную интерпретацию. Запись Астаховой сохранила воспоминание заонежанина А.П. Вавилина о трех красногвардейцах, посаженных белыми в карцер «за святотатство». «Когда они находились в поповском доме, из ряс нашли себе кisetов, один пояс сделал. А другой – курева не было – так евангелю на бумагу для курева разорвал. Так вот их и привлекли»²⁴. Новые образы «мучеников» занимали в сознании жителей Карелии место привычных намоленных образов.

В семейных фольклорных рассказах (меморатах), более или менее свободных от влияния канонических схем, обязательных при подготовке воспоминаний активистов Истпарта, также присутствует мотив страданий и смерти за дело революции. Однако нарратив более приближен к традиционному, с его образностью и приметами мифологического времени. В рассказе о появлении летом 1919 г. в д. Канзанаволок Пудожского уезда Олонецкой губернии отряда белых под командованием полковника Круглякова, описана сцена обращения к белым офицерам Рудакову и Круглякову плачущих жен арестованных крестьян. На их просьбу передать мужьям провизию был получен ответ: «Стакан холодной воды и три овсины – вот питание коммунистам»²⁵. В текстах же воспоминаний, предназначенных для комиссии Истпарта, чаще присутствуют повествования о долгих мучениях и гибели пленных красноармейцев от рук белых, как, например, в рассказе С.С. Ракчеева о расправе над попавшими в плен ранеными участниками боев в Пудожском крае или в описании расстрела сербами членов Кемского совета²⁶.

Четкой сюжетной линией, связанной с переживанием человеком времени несвободы, является повествование о верности революции через принятие страданий в плену²⁷. Так, В.И. Моисеев детально описывает дневной распорядок выдачи пищи заключенным в архангельской губернской тюрьме, а об условиях содержания в кегостровском лагере военнопленных сообщает следующее: «...за наше пребывание в 2 месяца ни разу барак не мыли и людей в баню не водили», в тесной камере сидело 13 человек, «все пленные красногвардейцы и младший

²⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол.26. Ед.хр. 86–118. Л. 300.

²⁵ Дубровская Е.Ю. Воспоминания В.И. Моисеева «В плену у белых» // ВоенКом: Военный комментатор: Военно-исторический альманах. 2009. № 1 (8). С. 86.

²⁶ НА РК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 189. Л. 10.

²⁷ Терещенков Л.Е. Работа Карельского Истпарта по формированию исторической памяти о революции и гражданской войне в Карело-Мурманском регионе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2010. № 7 (112).

командный состав». «Сидели они давно, некоторые по 13 месяцев, и чувствовали себя сейчас полными хозяевами», однако из-за изобилия английских одеял, которыми снабжали белых союзники, здесь развелось невероятное количество вшей, и «первое время страх перед этими паразитами был настолько велик, что хотелось бежать обратно в тюрьму, где вшей почему-то не было»²⁸.

По рассказам жителей Заонежья, записанным в 1930-е гг., «белое войско, как один, имело английское обмундирование защитного цвета, с погонями на плечах, в кожаных ботинках с шерстяными обмотками, с одинаковыми военными ягдташами через плечо, командиры в офицерской форме с позолоченными погонями». В их же словах об обмундировании красноармейцев слышится искреннее сочувствие: «А наша Красная армия была одета, кто в чем вышел из дома, кто в сапогах, кто в ботинках, а кто и в лаптях, ягдташами большей частью служили простые холщовые мешки, запасы продовольствия их были: хлеб и сушеная вобла, часть которых они разбросали по деревне, чтобы показать, чем они питаются»²⁹.

Взаимная демонстрация противоборствующими сторонами друг другу и населению своих обнадеживающих (или наоборот, скудных, а значит, свидетельствующих о безоглядной решимости сражаться) продовольственных возможностей становится устойчивым фольклорным мотивом в рассказах о Гражданской войне. Свидетельства об этом сохранили семейные мемораты. В частности, рассказы о том, как «англичане» (мобилизованные в войска союзников жители Обонежья) запомнились крестьянам водлозерских деревень. На жителей д. Канзанаволок Водлозерской вол. Пудоожского уезда вторгшиеся отряды произвели впечатление тем, что у них «чулки до колен и галеты на штыках»³⁰. Насаженные на штыки галеты, хранение которых таким образом вряд ли было вызвано практической необходимостью, должны были, по всей видимости, красноречиво свидетельствовать о хорошем продовольственном снабжении «англичан» и служить средством агитации в их пользу. Для той же цели в Беломорской Карелии английские военачальники демонстрировали суррогатный хлеб бойцам «Карельского полка» («Карельского легиона»).

Этот «Легион», или «Карельский полк» («Отряд», как его называли карелы³¹), ставил целью изгнание «белых финнов» из Карелии и первоначально насчитывал не более двух-четырёх сотен бойцов. Он был сформирован в июле 1918 г. карельскими добровольцами и командованием английских интервенционистских войск, весной

²⁸ *Моисеев В.И.* В плену у белых // ВоенКом: Военный комментатор: Военно-исторический альманах. 2009. № 1 (8). С. 94.

²⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 207. Л. 7.

³⁰ Из архива автора.

³¹ *Витухновская-Кауппала М.А.* Воспоминания учителя В. Кейняса о съезде депутатов одиннадцати карельских волостей в селе Ухта. 1920 // Исторический архив. 2013. № 4.

того же года высадившихся на Мурмане. Как свидетельствуют мемуары участника и очевидца событий 1918 г. британского профессионального военного и политика Филиппа Дж. Вудса³², в начале июля 1918 г. фактическими хозяевами Беломорской Карелии стали англичане. Белые сформировали для борьбы с большевиками Российскую народную армию, их главные силы действовали в зоне Мурманской железной дороги, а станция Кемь стала местом пребывания коменданта тыла Мурманского района.

Из деревень Беломорской Карелии, занятых финскими экспедиционными отрядами, к командирам английских частей приходили бежавшие добровольцы-карелы и обращались с просьбой дать им оружие и военную подготовку, чтобы они могли выступить против финнов. К июлю число бойцов отряда достигло 300 чел.³³ Он был создан благодаря сотрудничеству местных жителей и англичан, движимых одной целью – изгнать финнов из Карелии. Из карелов были назначены и офицеры, хотя они командовали лишь формально, фактическое командование осуществлялось англичанами. Отряд организовался под лозунгом «Прочь финны из Карелии», «Карелия для карел»³⁴.

Как пишет один из авторов воспоминаний, находились желающие вступить в отряд и среди русских рабочих Кеми, Сороки и других рабочих поселков, но «вербовщики их не принимали, говорили, что возьмем только карелов»³⁵. Такие свидетельства не очень вписываются в господствовавшие долгие годы в исторической науке представления о едином фронте трудящихся Карелии, поднявшихся на борьбу против иноземных захватчиков для защиты завоеваний нового строя. И уж совсем не подходящим для публикации оказалось вычеркнутое из редактируемого текста воспоминание Федора Акуловича Лесонена о военном обучении бойцов отряда английскими офицерами. Учеба «усиленно велась до лета» (1919 г. – *Е.Д.*), и «нам было ясно, что готовят нас против Красной Армии и Советской власти»³⁶.

Обращает на себя внимание фрагмент воспоминаний Ф.А. Лесонена о том, как реагировали командиры полка, узнав о намерении бойцов установить контакт с «Финским легионом». Этот легион действовал на Мурмане и состоял из бежавших после подавления финляндской революции 1918 г. сторонников финских «красных». Те отказывались воевать против Красной армии. В ответ на попытку батальона

³² Полковник Филипп Дж. Вудс. Карельский дневник // *Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф.Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. История и мемуары.* СПб, 2013.

³³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 98.

³⁴ Там же. Д. 140. Л. 56.

³⁵ Там же. Л. 2.

³⁶ Там же. Л. 22.

«Карельского полка» связаться с одной из красноармейских частей, командиры собрали батальон на ст. Кемь, окружили его вооруженными сербами и англичанами, «выступали с речами и требовали, чтобы мы выехали на фронт». Один из них «показал нам кусок черного хлеба, испеченный для животных, и кричал, что «вот такой хлеб едят красноармейцы, конец которых уже близок». Примечательна ремарка автора воспоминаний, характеризующая недовольство, а вместе с тем подавленность и запуганное состояние бойцов батальона: «Мы все молчали и возмущались... Большинство молчало и думало о возвращении домой, к семьям»³⁷.

Когда батальон все же отказался выехать на фронт, англичане сменили политику «кнута» на политику «пряника». Они открыли склады обмундирования и продовольствия, которые карелы прозвали «складами-приманками». Оттуда «любой из нас мог "свободно" получить все, что требуется для солдата, две пары белья, обувь и верхнюю одежду, но требовали при получении показать свой номер, которым наградили нас», присвоив его как «своим подчиненным, солдатам-слугам». Кроме того, «каждый должен был оставить в их бумагах отпечаток своего указательного пальца», – пишет Ф.А. Лесонен³⁸. «Даже пайки продовольствия давались нашим семьям», – продолжает автор воспоминаний, – но «когда кое-кто воспользовался этой "добротой" интервентов и скрылся с оружием, то "склады-приманки" были ими сожжены», англичане «усилили охрану дорог и отобрали оружие у всех нас»³⁹.

По сравнению с частями Красной армии белые войска, и в их числе «Карельский полк», снабжавшиеся продовольствием из стран Антанты, находились в более выгодном положении и могли избежать массовых реквизиций у населения. Однако, вспоминая о службе в полку, Ф.А. Лесонен неожиданно сообщает следующее. Находясь на охране границы, его отряд получал английский паек, хотя и названный автором «скудным». В то же время «семьи многих голодали». «Неурожай и недостаток продовольствия вынудили нас создать комбеды в ряде деревень. Через них мы конфисковали излишки хлеба у местных кулаков. Хлеб был роздан для нужд отряда и беднейшего крестьянства»⁴⁰.

В этом отрывке нашло, вероятно, отражение не только желание автора воспоминаний максимально «приблизить» боевой путь «Карельского полка» с его «сомнительным», с точки зрения общества победителей, прошлым к реалиям жизни частей Красной армии. Непредставимые в Беломорской Карелии «комбеды» из рассказа Ф.А. Лесонена все же наводят на мысль, что отношения бойцов

³⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 140. Л. 59.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 22, 58.

«Карельского полка» с населением родных деревень не были такими уж безоблачными, и что в годы Гражданской войны не только красноармейские части оказывались перед необходимостью заниматься самоснабжением. Хотя, конечно, в северо-карельском приграничье не было массовых насильственных реквизиций, подобных тем, которые становились чуть ли не повседневностью в населенных пунктах южной Карелии, и которые приводили многих из ее жителей в стан противников советской власти.

Многочисленные пассажи на страницах записанных в 1930-е гг. воспоминаний о Гражданской войне связаны с разоблачением кулаков, купцов, торговцев, офицеров старой армии. Отголоски таких рассказов слышны в сохранившихся воспоминаниях бойцов «Карельского легиона» о том, как они записывали в отряд ради получения пайка стариков и женщин, так что на бумаге отряд в 600 бойцов разрастался до нескольких тысяч человек. В отличие от «белых финнов», довольно дисциплинированным английским частям все же скоро удалось завоевать некоторую популярность у населения Беломорской Карелии. Решающее значение в этом сыграли регулярные поставки продовольствия, благодаря чему удалось предотвратить голод в северо-карельских волостях.

Во время инспекторских проверок, изредка проводившихся англичанами в карельском приграничье, для усиления впечатления многочисленности отряда на охрану границы отправляли стариков. Принимая начальство, организовывали своего рода «художественную самодеятельность», чтобы заручиться добрым отношением со стороны «спонсоров». «По прибытию на место, – вспоминает один из бойцов «Карельского полка» Иван Федорович Лежоев, – командиры отряда сами решили увеличить число бойцов до нескольких тысяч, хотя фактически в отряде было около 600 человек». Автор воспоминаний объясняет, что таким способом командиры хотели «оказать помощь нашим семьям и беднейшей части крестьян». Однако английское командование, узнав об этом, решило послать в приграничье своих представителей для проверки, и военное руководство легиона вынуждено было принять «усиленные меры»: «Во всех деревнях, где находились люди отряда, была проведена дополнительная запись... и начата строевая подготовка с "новобранцами". Мобилизованы были даже старики. Тогда и я вернулся в отряд после болезни. Все солдаты знали свои места в случае проверки. Даже группа из молодых, в том числе и я, готовили вечер художественной самодеятельности. Все было готово, когда в январе-феврале 1919 года англичане приехали для проверки»⁴¹.

Бойцы отряда получили приказ своего командира уроженца д. Кивиярви Григория Игнатьевича Лежоева (Рикко Лесонена) показать «товар лицом», т. е. «необычайно разросшийся отряд». Как пишет автор воспоминаний, «мы привлекли

⁴¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 100.

для участия в параде, да и вообще в "торжествах" мужчин почти всех деревень». Проверка прошла удачно, поскольку «англичане и после продолжали снабжать отряд, вероятно, надеясь, что получат огромные силы для выполнения своих антисоветских планов». Когда «комиссия была выпровожена, крестьяне вернулись к своим занятиям. Важно было вырвать у англичан продовольствие для голодающих»⁴². Однако все эти ухищрения на деле соотносились с практиками выживания в кризисной ситуации. Как и прежние проявления «плутовства» коробейников, они имели вынужденный характер. Английские военные оказывались олицетворением государства, к тому же чужого, которое не грех обмануть, несмотря на заключенный с ним договор.

Свидетельства источников подтверждают, таким образом, этнографические данные о том, что в карельской народной культуре начала XX в. существовала достаточно четкая оппозиция между представлениями о законе и справедливости. Понятия «закон» и «мораль» стояли по разные стороны уже в традиционной культуре карелов, а население приграничья становилось подготовленным к тому, что обход закона – это средство выживания и средство компенсации социальной отверженности, нашедшее в годы Гражданской войны и военной интервенции широкое применение.

⁴² НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 100, 107.